

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-102>

УДК 821.112.2

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ В РОМАНЕ «ШИРОКОЕ ПОЛЕ» Г. ГРАССА¹

В.Э. Биктимиров (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Настоящее исследование посвящено изучению романа «Широкое поле» Г. Грасса, в котором проблема исторической судьбы нации сопрягается с вопросами о значении и функционировании в поле национальной культуры самой художественной литературы.

Цель статьи – рассмотреть способы репрезентации исторического материала в романе Гюнтера Грасса «Широкое поле» с учетом авторской историософии и концепции историоцентричного романа.

Методология и методы исследования. Методология в решении поставленной цели носит синтетический характер. Среди методов, в опоре на которые выполняется исследование, используются интертекстуальный, историко-культурный, сравнительно-исторический. Так как исследование нацелено не только на аналитику художественного произведения Г. Грасса, но и на реконструкцию его исторической концепции, методология исследования расширяется за счет привлечения совокупности методов герменевтической теории.

Результаты исследования. Установлено, что Г. Грассу важно показать не официальную историографию, документально подтвержденную, а субъективную интерпретацию общеизвестных фактов, истина которых подтверждается вневременной ценностью. Вновь обращаясь к теме непреодоленного прошлого, автор не только акцентирует внимание на последствиях объединения Германии в XIX в., но изображает новую историческую реальность, эпоху единения Германии в Новом тысячелетии, в котором необходимо существовать современному поколению немцев. Разобраться в историческом катаклизме Грассу, как и его героям, помогает литература, в частности жизнь и творчество немецкого реалиста Теодора Фонтане.

Ключевые слова: история, историоцентричный роман, Т. Фонтане, Г. Грасс, «Широкое поле», немецкая литература.

Постановка проблемы и цель работы. Для немецкой словесности конца рубежа XX–XXI вв. характерно осмысление проблем исторической судьбы нации. Они сопрягаются с вопросами о значении и функционировании в поле национальной культуры самой художественной литературы. Одним из таких произведений является роман «Широкое поле» (“Ein weites Feld”, 1995) или «Долгий разговор» (пер. Б.Н. Хлебникова) Гюнтера Грасса.

Еще при жизни автора книга вызвала огромный резонанс в обществе как среди профессиональной аудитории, так и среди простых читателей. Достаточно вспомнить скандальную обложку журнала «Der Spiegel», на которой изобра-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90017.

жен ведущий немецкий критик XX столетия М. Райх-Раницкий, разрывающий на две части грассовский роман. И подобная реакция не случайна. Немецкий писатель, противник объединения двух государств, ФРГ и ГДР, сумел отразить актуальные для общественности проблемы, к числу которых можно отнести вопросы о национальной идентичности, политическом насилии, ответственности за события Холокоста и др. В этом отношении справедливо суждение М.С. Потёмной о том, что роман «Широкое поле» Г. Грасса трансформировался в «явление социокультурного и политического масштаба» [Потёмная, 2014, с. 76]. Кроме того, его публикация стала и знаковым явлением литературной жизни, т.к. немецкий писатель «отдал дань уважения особому немецкому литературному наследию», а именно жизни и творчеству Теодора Фонтане (1819–1898) [Preece, Thesz, 2019, с. 307].

Действие романа начинается зимой 1989 г. и заканчивается осенью 1991 г. Архивист Тео Вуттке и его «дневная и ночная тень» («Tagundnachtschatten»), сотрудник Штази, Людвиг Хофталлер путешествуют по Берлину, периодически посещая самые разные территории бывшей ГДР (Берлин, маркграфство Бранденбург, Лаузиц, Нойруппин и др.). Оба персонажа на протяжении всего романа обмениваются идеями о новом политическом устройстве страны, падении Берлинской стены, предаются воспоминаниям о событиях прошлых лет. В жизни Вуттке происходит ряд важных изменений: гибель друга, свадьба дочери Марты, воссоединение с внучкой Мадлен и др. Завершается роман внезапным побегом героя во Францию, а также пожаром Дома Министерства – символа не только политического строя страны, но и самой Германии.

Ряд исследователей, таких как Н. Тец [Thesz, 2007], С. МакКракен [McCracken, 2015], А.В. Добряшкина [Добряшкина², 2005], лишь вскользь упоминают о жанровой природе романа Грасса, высказывая предположение о его близости историческому роману. Важно отметить, что в грассовском тексте история представлена иначе, чем в традиционном историческом романе: она хаотична, беспорядочна и нелинейна. По мысли Дж. Фонткуберты, «в тексте смешиваются и прошлое, и настоящее. Основание Рейха в 1871 кажется таким же современным событием, как и воссоединение Германии в 1989 году Грасс ведет за руку читателя, чтобы показать, что “в сущности здесь ничего не изменилось”» [Fontcuberta, 1997, с. 7]. Действительно, магистральное событие романа «Широкое поле» (объединение ФРГ и ГДР) вписано в глубокий культурный контекст (период Веймарской Республики, правление национал-социалистической партии и т.д.). Интересной в этом отношении представляется точка зрения Г.И. Данилиной, которая апеллирует к суждениям Г. Зайбта о том, что роман Грасса не содержит традиционной концепции истории, свойственной, например, творениям Л. Фейхтвангера, С. Цвейга, Т. Манна: «Все здесь только намерения <...>. Все бессвязно и случайно» [Данилина, 2002, с. 135].

² Добряшкина А.В. Гротеск в творчестве Гюнтера Грасса: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2005. 160 с.

Вслед за Г.И. Данилиной, мы считаем, что данное произведение сложно причислить как к традиционным образцам исторического романа, так и к его вариациям, получившим широкое развитие в современной литературе под влиянием философии и эстетики постмодернизма. В «Широком поле» Г. Грасса присутствует особый вариант исторического нарратива, который можно назвать историоцентричным романом. Под данным понятием подразумевается субжанр исторического романа, «проблематика и сюжетная организация которого определяется интенцией авторской мысли о прошлом – при отсутствии непосредственного изображения реальных исторических событий» [Биктимиров, 2021, с. 63].

Ведущими жанровыми признаками историоцентричного романа являются историоцентричность и металитературность. Историоцентричность – это восприятие истории как единого целого. Не случайно Ф. Шиллер, разрабатывая концепцию всеобщей истории, писал, что человек «отправляется от теперешнего положения вещей и идет назад к их генезису. Когда от текущего года и столетия он мысленно возвращается к непосредственно им предшествовавшему и встречается здесь с историческими фактами, которые объясняют ему последующие события» [Шиллер, 1956, с. 23]. Так и в историоцентричном романе – ощущение присутствия истории в нарративе такого произведения формируется по-другому, объединяя прошлое и настоящее, тем самым воплощая идею о неразрывной связи времен.

Под металитературностью мы понимаем не рефлексию в художественном тексте о взаимоотношениях автора и созданного им текста, а особый тип взаимодействия литературы и читателя. Данная жанровая характеристика является неотъемлемой частью историоцентричного романа, т.к. в таких произведениях присутствуют размышления о том, как «работает» литература, какую роль она выполняет как для отдельных людей, так и для страны в целом. В связи с этим цель настоящей статьи – рассмотреть способы репрезентации исторического материала в романе «Широкое поле» с учетом авторской историософии и концепции историоцентричного романа.

Результаты исследования. В своем произведении Г. Грасс воспроизводит циклическую концепцию истории человечества в контексте ницшеанской философии о вечном возвращении. Вечное возрождение, по Ницше, это идея о том, что все происходящее в жизни имеет свойство повторяться неоднократно количество раз. Так, в работе «Так говорил Заратустра. Книга для всех и для никого» («Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen», 1885) философ отмечал, что «существует великий год становления, чудовищно великий год; он должен, подобно песочным часам, вечно сызнова поворачиваться, чтобы снова течь и истекать, – так что все эти годы похожи сами на себя, в большом и малом, – так что и мы сами в каждый великий год похожи на себя, в большом и малом» [Ницше, 2007, с. 225].

Размышления Ницше нашли воплощение и в историософской концепции Грасса о существовании «четвертого времени» («Vergengenkunft»). С помощью

этой теории немецкий писатель упраздняет хронологичность и линейность исторического времени. В этом отношении официальная историография не имеет для него никакой ценности; она уступает место неофициальному, субъективному видению и осмыслению событий минувших эпох. Согласно точке зрения Грасса, именно четвертое время позволит «преодолеть наше школьное размежевание “прошлое – настоящее – будущее”, использовать их параллельно или приблизить к себе, в особенности будущее. Поскольку такая возможность есть, она может быть – во всяком случае, в книгах – предложена читателю, не желающему, как и автор, мириться с редукцией нашей действительности» [Grass, 1987, S. 261–262, цит. по: Леонова, 2010, с. 257]. Практика «прямого соположения диспаратных исторических реальностей», впервые представленная в тексте «Головорожденные, или Немцы умирают» («Kopfgeburten oder Die Deutschen sterben aus», 1980), позволила Грассу «вынести на сцену немецкой столицы этого времени особого рода “диалог между прожитым и проговоренным настоящим и цитированным прошлым”» [Ewert, 1999, S. 404].

Ярким примером такого «вечного возвращения» служит описание внутренней структуры здания Дома Министерства, особое место в котором отведено средству передвижения. «Paternoster» – это лифт непрерывного действия в Доме Министерства, где работал Тео Вуттке на протяжении всей своей трудовой жизни. Движение лифта порождает у героя мысль об истинном смысле времени – его повторяемости. Само устройство для транспортировки людей и осуществления служебного документооборота является метафорой времени. Так, когда Вуттке видит проезжающего на лифте главу Дома Министерства, в его сознании начинает появляться плеяда политических деятелей: Герман Геринг, Йозеф Геббельс, Вальтер Ульбрихт, Эрик Хоннекер. Для Фонта прошлое не отличается от настоящего; он восклицает: «Господи Боже! Как во мне это все ожило. <...> Это все <...> еще можно предвидеть сегодня, несмотря на то, что по-настоящему военное время уже прошло. Однако в своем отчете я все же могу оживить прошлое» (здесь и далее перевод романа наш. – В.Б.) [Grass, 1995, S. 79]. Внезапное озарение героя наводит его на мысль о том, что прошлое, подобно разряду электрического тока, способно вызвать импульс в человеческом сознании, заставить мыслить критически. В этом отношении метафора «Paternoster» – это изображение временной петли, бесконечно повторяющегося времени, сменяющихся исторических эпох. Именно к осознанию этой мысли и приходит герой, постигнув сокровенную тайну исторической сущности грядущего Нового тысячелетия.

Говоря о социальных реалиях, изображенных Грассом в романе «Широкое поле», невозможно не упомянуть высказывание самого писателя: «Новая несправедливость, опирающаяся на старую, обрушивается на население, которое после эпохи национал-социалистического террора еще целых сорок лет жило в условиях непрекращающегося бесправия. Речь идет именно об этих семнадцати миллионах восточных немцев, на плечи которых – по праву представительства,

так сказать, – легла главная часть тягот расплаты за начатую и проигранную всеми немцами войну» [Гюнтер Грасс..., 1991, с. 118]. Т.А. Шарыпина считает, что писатель реалистично изображает «ситуацию после объединения Германии, показывает, как политики и общественные функционеры ФРГ развязывают травлю культурных и общественных деятелей ГДР, фабрикуя компромат» [Шарыпина, 2020, с. 59]. Так, жертвой политических интриг становится одно из действующих лиц романа – профессор Фройндлих. Герой заканчивает жизнь самоубийством, как впоследствии узнает Фонти. Причиной совершенного поступка является национальная идентичность героя, а также преследование со стороны спецслужб. Реакция Тео Вуттке на смерть своего друга-еврея не вызывает у читателя сомнения в том, сколько жестокости и несправедливости видит герой в объединении ГДР и ФРГ: «Вы можете улыбаться, <...> но прошу учесть, что <...> все здесь сводится к насилию» [Grass, 1995, S. 668].

О невозможности компромисса не только между двумя государствами, но и людьми свидетельствует эпизод бракосочетания. Свадьба восточногерманской дочери Вуттке, Марты, с западногерманским предпринимателем Хайнцем-Мартинном Грундманном – аллегория на союз двух немецких государств. Весь эпизод напоминает историю не о торжестве любви, а о политическом расколе. Едкое, колкое замечание Фридриха, брата Марты, подтверждает это: «Но, может быть, мы сможем узнать, как богатый “Весси” Грундманн подобрал несчастную “Осси”, мою сестру. Расскажите-ка, шурин! Ну правда. Нет ничего лучше, чем ваши истории, да еще и со счастливым немецким концом» [Там же, с. 289]. Тема единения немецкой нации выходит из подтекста. Затем родственники, представители ФРГ и ГДР, дискутируют о единстве, но полемика не может прийти к логическому завершению как практически, так и символически. Тео Вуттке вновь заявляет о невозможности прийти к консенсусу в вопросе о единении двух держав.

Итак, исторические события не описываются в произведении, а находят весьма специфическое воплощение – в рефлексии персонажа, описании его самосознания. Тео Вуттке – свидетель происходящих в Германии событий, выразитель субъективно-исторических воззрений самого Грасса. Все размышления героя напрямую связаны с общественно-политической ситуацией как прошлого, так и настоящего. По мысли Тео Вуттке, «в Германии единство всегда разрушало демократию» [Там же, с. 55]. Для того чтобы прояснить суть исторического движения, он обращается к жизни и творчеству Т. Фонтане, что помогает ему не только прояснить содержание современной действительности, но и интерпретировать события прошлого, их влияние на настоящее.

На протяжении развития всего сюжетного действия Грасс ведет с читателем интертекстуальную игру, совмещая исторический и литературный материал, синтез которых позволяет читателю выявить не только ключевую идею произведения, но и умонастроение самого писателя – скептическое отношение к воссоединению Германии. Уже в самом эпиграфе к роману немецкий прозаик

указывает на литературный код, благодаря которому возможно разгадать авторский замысел. Важно отметить, что «в начале своего пути Грасс почти исключительно ограничивается намеками, аллюзиями и тому подобными зашифровками», но уже «в зрелом творчестве он сам раскрывает источники своих образов» [Крепак³, 1987, с. 36]. И «Широкое поле» – яркое тому подтверждение.

Произведение открывается цитатой из романа «Эффи Брист» («Effi Briest», 1895) Т. Фонтане, произнесенной в финале отцом главной героини: «Ах, оставь, Луиза... Это уже совсем темный лес» [Фонтане, 1960, с. 290]. Если в тексте Фонтане высказывание главы семейства Бристов служит объяснением личной трагедии его дочери Эффи, то у Грасса оно обретает новое звучание и смысл. Для немецкого писателя эта фраза становится не только данью уважения к художественному наследию Т. Фонтане, но и метафорой бескрайнего, необъятного литературного поля, в котором существует Тео Вуттке. Кроме того, в этом высказывании ощущается и свойственная творчеству Грасса ирония, благодаря которой оказываются «высмеяны претензии на объяснение истории и вера в исторический прогресс» [Данилина, 2002, с. 143].

Вспоминая трагические страницы немецкой истории, грассовский герой стремится увидеть причинно-следственные связи, найти ответы на вопросы о причинах общественно-политических катаклизмов, роли человека в их участии. Поиск истины – вот настоящая цель Тео Вуттке: «Все это ужасно верно. Но то, что правильно, необязательно должно быть правдой. Правда – это широкое поле» [Grass, 1995, S. 140]. И в этом отношении идиоматическое высказывание «ist ein wiertes Feld», нередко упоминающееся героем, свидетельствует о невозможности прийти к завершению разговора о глобальных вопросах как человеческой жизни, так и национальной истории.

Приступая к анализу интертекстуальной природы романа «Широкое поле», прежде всего необходимо остановиться на специфике образа главного героя.

Идею зарождения образа Тео Вуттке можно проследить в последующем произведении Г. Грасса – «Мое столетие» («Mein Jahrhundert», 1999), опубликованном спустя несколько лет после выхода в свет «Широкого поля». Будучи в Индии со своей супругой Утой Грунерт, Грасс увидел во сне самого Т. Фонтане, который восседал под грушевым деревом с его женой: «С этого дня – что я говорю всякий раз, когда излагаю содержание своего сна – у нас возник брак втроем. Те двое уже не могли больше от меня избавиться. Уте такое решение вопроса даже понравилось, а с самим Фонтане я все больше и больше сближался, да-да, еще в Калькутте я начал читать все им написанное» [Грасс, 2001, с. 269]. Вступая в своем сне в дружеские взаимоотношения с немецким классиком XIX в., Грасс начинает активно изучать его творчество, тем самым углубляя свой интерес. Именно так и появился сконструированный образ главного героя романа «Широкое поле» Тео Вуттке, построенный из цитат и биографических фактов из жизни и творчества Т. Фонтане.

³ Крепак Е.М. Проза Гюнтера Грасса 70-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 198 с.

С самых первых строчек читатель знакомится с прозвищем главного героя (Фонти), которым нарекают его сотрудники архива Фонтане: «В Архиве мы называли его Фонти; нет, многие, кто сталкивался с ним, говорили: “Ну, Фонти, опять почта от Фридлиндера? И как поживает дочурка? Не только в Пленцберге, но и повсюду ходят слухи о свадьбе Мете. Так ведь, Фонти?”» [Grass, 1995, S. 7]. Действия героя-протагониста, как и вся его жизнь, продиктованы личностью самого Фонтане: Вуттке родился 30 декабря, что и Фонтане, но с разницей в 100 лет; Нойруппин – место рождения исторического Фонтане и, разумеется, Тео в марке Бранденбург. При этом в романе встречается и свойственное грассовскому стилю ироническое осмысление фактов из жизни Фонтане. Так, Тео Вуттке, подобно своему историческому прототипу, одержим Шотландией, но эта страсть выражается в любви к клетчатым шарфам и ресторану быстрого питания «Макдоналдс». Согласно точке зрения С. МакКракена, «граница между ними (Теодором Фонтане и Тео Вуттке. – В.Б.) стирается все сильнее, т.к. Фонти не только физически похож на своего героя, но и жена, и дети Фонти также являются отражением семьи Фонтане. Жизнь Фонти в XX столетии просматривается как искаженное зеркальное отражение жизни Фонтане в XIX веке» [McCracken, 2015, p. 195].

Фонти неоднократно цитирует своего кумира. Так, одним из ярких эпизодов, подтверждающим данный тезис, является сцена у Бранденбургских ворот, когда Фонти наизусть читает стихотворение «Прибытие» («Einzug», 1871) Т. Фонтане, которое «16 июня 1871 года было напечатано в берлинском “Фремденунд-анцайгенблатт” в этот же знаменательный день по случаю победы, и его рифмы славили победоносное окончание войны с Францией, а также основание рейха и коронацию прусского короля как немецкого кайзера» [Grass, 1995, S. 19]. Герой Грасса цитирует данное стихотворение не случайно. Тео Вуттке уравнивает в своем сознании два исторических события: окончание Франко-прусской войны при О. фон Бисмарке и объединение Германии, – посредством обращения к литературе. Он стремится показать, что воссоединение ГДР и ФРГ в XX в. является очередным повторением исторического события, произошедшего в XIX в. и повлекшего за собой тяжелые последствия для немецкой нации.

Тео Вуттке является носителем высоких интеллектуальных способностей, эйдетического типа памяти, позволяющего запоминать ему все увиденное и прочитанное. Благодаря своим способностям он размышляет об истории, стремится узреть «повторения, переклички, цикличность, взаимодополняемость жизни и смерти» [Grass, 1995, S. 71]. И помогает ему в этом опора на литературу, а именно на жизнь и творчество любимого писателя. В этом отношении роман Г. Грасса можно интерпретировать в контексте проблем литературной саморефлексии. Нередко ряд таких исследователей, как А.В. Добряшкина, О.Н. Турышева, видят в этом донкихотское безумие, одержимость литературой. Действительно, подобно рыцарю Печального образа, Вуттке зачастую «живет, часто не дифференцируя реальный и воображаемый регистры, искренне переживая свою жизнь как реин-

карнацию Фонтане, а подчас и как мистическое проникновение во внутренний мир его произведений, о чем свидетельствуют его обращения к героям Фонтане» [Турьшева, 2011, с. 237].

Цитируя «бессмертного» (так Вуттке говорит о Фонтане), герой стремится найти точку опоры в мире, охваченном бесконечными войнами и катаклизмами, он стремится уравнивать два полюса – мира художественной литературы и собственной жизни. Как ни парадоксально, ему это удается. Художественная словесность дает ему понять историко-социальные процессы и найти свое место в мире.

Выводы. Подводя итог, отметим, что «Широкое поле» Г. Грасса является ярким образцом историоцентричного романа. История в романе «Широкое поле» Г. Грасса рассматривается в русле концепции «четвертого времени», соположения нескольких исторических реальностей. Немецкий прозаик интерпретирует объединение Германии в контексте национальной истории, не прибегая к подробному описанию исторических событий, а воссоздавая мысль об истории сквозь призму этических и общественно-политических воззрений главного героя. Разобраться в историческом катаклизме Грассу, как и его героям, помогает литература. В произведении представлен позитивный опыт принятия уроков художественной словесности. Интертекстуальная игра, с указанными правилами и маркированными направлениями, превращает повествование в занимательный, яркий и безостановочный круговорот исторических событий. И лишь только за счет сближения с любимым автором герой Г. Грасса порождает спасительную надежду, возможность объяснения исторического развития не только общества, но и страны, наконец заканчивая разговор о «широком поле» и найдя свой путь, который так и не обрел его литературный идеал.

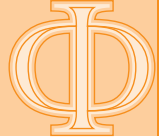
Библиографический список

1. Биктимиров В.Э. Историоцентричный роман: к постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 54–66. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00004
2. Грасс Г. Мое столетие: роман М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 336 с.
3. Гюнтер Грасс и Мартин Вальзер о воссоединении Германии (фрагменты, статьи и интервью) // Диапазон: Вестник иностранной литературы. 1991. № 1. С. 116–124.
4. Данилина Г.И. Нужна ли в историческом романе концепция истории? // Литература и общество: взгляд из XXI века: сб. ст. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. С. 133–143.
5. Леонова Е.А. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 360 с.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю.М. Антоновского; пер. комментария А.Г. Жаворонкова; науч. ред. Е.В. Ознобкиной. М.: Культурная Революция, 2007. 432 с.
7. Потёмина М.С. Литературное поле Германии после Объединения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 74–81.
8. Турьшева О.Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 286 с.
9. Фонтане Т. Эффи Брист. М.: Гослитиздат, 1960. 299 с.

10. Шарыпина Т.А. Экзистенциализм и литературное сознание Германии XX – начала XXI вв.: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 128 с.
11. Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1956. Т. 4: Исторические сочинения. Статьи. 493 с.
12. Ewert M. Spaziergänge durch die deutsche Geschichte. Ein weites Feld von Günter Grass // Sprache im technischen Zeitalter, 1999. Bd. 148. S. 402–417.
13. Fontcuberta J. Presentació // Grass G. Una llarga història. Traducció de Joan Fontcuberta. Barcelona: Edicions 62, 1997. P. 5–9.
14. Grass G.S. Lenz. Existenznotwendigkeit // G. Grass. Werkausgabe in 10 Bänden. Bd. 10. Gespräche. Neuwied, 1987. S. 255–281.
15. Grass G. Ein weites Feld. Göttingen: Steidl, 1995. 781 s.
16. McCracken S. Ein weites Feld as Post-Cold War Novel // Novel. 2015. No. 48. P. 190–207. DOI:10.1215/00295132-2882617
17. Preece J., Thesz N. Günter Grass and International Literature // Oxford German Studies. 2019. Vol. 48, No. 3. P. 303–310. DOI:10.1080/17513472.2019.1664156
18. Thesz N. «Without Poachers, no Foresters, and Vice Versa»: Political Violence in Günter Grass's «Ein weites Feld» // The German Quarterly. 2007. Vol. 80, No. 1. P. 59–76. DOI:10.1111/j.1756-1183.2007.tb00062.x

Сведения об авторе

Биктимиров Владислав Эдуардович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); e-mail: v.e.biktimirov@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-102>

ARTISTIC UNDERSTANDING OF HISTORY IN G. GRASSE'S NOVEL "TOO FAR AFIELD"¹

V.E. Biktimirov (Ekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The present research is devoted to studying of the G. Grasse's novel "Too Far Afield", in which the problem of the historical fate of the nation is coupled with questions about the meaning and functioning of fiction itself in the field of national culture.

The purpose of the article is to consider the ways of representing historical material in the novel "Too Far Afield" by Gunther Grass in the context of the author's historiosophy and the concept of a historiocentric novel.

Methodology and methods. The methodology of the study is synthetic. The methods of the study include intertextual, historical-cultural and comparative-historical methods. The research is aimed not only at the analytics of the literary work by G. Grass, but also at the reconstruction of its historical concept. The research methodology is expanding with methods of hermeneutic theory.

Research results. It has been established that it is important for G. Grass to show not the official documented historiography, but the subjective interpretation of well-known facts, the truth of which is confirmed by timeless value. Referring to the theme of the resistance of the past, the author focuses not only on the consequences of the unification of Germany in the 19th century, but also on the new historical reality, the era of the unification of Germany in the 20th century, in which the modern generation of Germans should exist. The literature, life and work of the German realist Theodor Fontane helps Grass to understand the historical cataclysm.

Keywords: *history, historiocentric novel, T. Fontane, G. Grass, "Too Far Afield", German literature.*

References

1. Biktimirov V.E. Historiocentric Novel: Formulating the Definition // *New philological bulletin*. 2021. No. 1 (56). P. 54–66. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00004
2. Grass G. *My Century: Novel*. Moscow: OOO "AST Publishing"; Kharkov: Folio, 2001. 336 p.
3. Gunter Grass and Martin Walser about the reunification of Germany (excerpts, articles and interviews) // *Range: Bulletin of foreign literature*. 1991. No. 1. P. 116–124.
4. Danilina G.I. Does a historical novel need a concept of history? // *Literature and Society: A View from the XXI Century*. Digest of articles. Tyumen: Tyumen State University Publishing, 2002. P. 133–143.
5. Leonova E.A. *German literature of the XX century. Germany, Austria: textbook*. Moscow: Flinta: Science, 2010. 360 p.
6. Nietzsche F. *Thus spoke Zarathustra. A book for all and none / translated from German by Yu.M. Antonovsky; commentaries translated by A.G. Zhavoronkov; scientific. ed. E.V. Oznobkina*. Moscow: Cultural Revolutiion, 2007. 432 p.
7. Potemina M.S. The literary field of Germany after the Unification // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2014. No. 2. P. 74–81.
8. Turysheva O.N. *Book – reading – reader as a subject of literature*. Yekaterinburg: Ural University Publishing, 2011. 286 p.

¹ The research was funded by RFBR, project number 19-312-90017.

9. Fontane T. *Effe Brist*. Moscow: Goslitizdat, 1960. 299 p.
10. Sharypina T.A. *Existentialism and literary consciousness of Germany in the XX – early XXI centuries: monograph*. Nizhny Novgorod: Publishing of the UNN named after N.I. Lobachevsky, 2020. 128 p.
11. Schiller F. *Collected Works in seven volumes*. Moscow: State Publishing of Fiction, 1956. Vol. 4: *Historical writings. Articles*. 493 p.
12. Ewert M. *Walks through German history. Too Far Afield by Günter Grass // Language in the technical age*, 1999. Vol. 148. P. 402–417.
13. Fontcuberta J. *Presentation // Grass G. Too Far Afield. Translation by Joan Fontcuberta*. Barcelona: Edicions 62, 1997. P. 5–9.
14. Grass G. S. Lenz. *Existential necessity // G. Grass. Collected Works: in 10 vol. Neuwied*, 1987. Vol. 10: *Conversations*. P. 255–281.
15. Grass G. *Too Far Afield*. Göttingen: Steidl, 1995. 781 p.
16. McCracken S. *Ein weites Feld as Post-Cold War Novel // Novel*. 2015. No. 48. P. 190–207. DOI:10.1215/00295132-2882617
17. Preece J., Thesz N. *Günter Grass and International Literature // Oxford German Studies*. 2019. Vol. 48, No. 3. P. 303–310. DOI:10.1080/17513472.2019.1664156
18. Thesz N. “Without Poachers, no Foresters, and Vice Versa”: *Political Violence in Günter Grass’s “Ein weites Feld” // The German Quarterly*. 2007. Vol. 80, No. 1. P. 59–76. DOI:10.1111/j.1756-1183.2007.tb00062.x

About the author

Biktimirov Vladislav Eduardovich – PhD Candidate, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: v.e.biktimirov@yandex.ru